

О ТОМ, КАК ШВАБРА СОВСЕМ ОБНАГЛЕЛА

Рассказал Сергей Евгеньевич

День на день не похож. Когдаходишь в класс, никогда не знаешь, что такого выдающегося произойдёт сегодня с тобой. И тем более не ведаешь, как ты на это дело среагируешь.

Профессия учителя – замечательная профессия. Она не дает скучать и каждый раз подкидывает какие-нибудь новые штучки. Тут нужна очень быстрая реакция и умение держать в голове совершенно разноплановую информацию.

Уроки кончились. Дежурные, как могут, подметают класс.

– Сергей Евгеньевич! Скажите Антону, чтобы он не бил меня шваброй по голове... – умоляет меня обиженная Маша.

Я иду к Антону и призываю найти швабре более достойное применение. Но, оказывается, виновата сама Маша.

– Она мой веник забрала! – возмущается Антон.

Маша не остаётся в долгу и гневно кричит:

– Да-а?! Да ты сам его бросил, когда Кольку лупил.

– Я его не веником бил, а тряпкой.

Начинается длительная разборка, в которой все, забыв про меня, активно выясняют, кто кого и чем мутузил.

В итоге оказывается, что виновата сама швабра, которая взяла и внезапно... совсем обнаглела! Пришла сама по себе из кладовки и улеглась на пол прямо посреди коридора, перегородив дорогу несущемуся со скоростью звука Грише, который в результате с той же самой скоростью полетел напрямик

головой в живот Вовке. Тот, придавив своим немалым весом мелкого, но чрезвычайно энергичного Колю, вызвал в нём прилив гнева и горького возмущения, которое в конце концов вылилось на ничего не подозревавшего Антона, мирно подметавшего пол в полуметре от Николая... Естественно, что освободившийся веник сразу же подобрала Маша, которой ужасно надоела швабра с её отваливающейся ручкой. Этой шваброй накануне Илья пробил дырку в двери кабинета музыки. Антон, расправившись с Колей, потребовал от Маши возвращения потерянного орудия труда... Круг замкнулся.

Ещё некоторое время буза продолжалась, но потом постепенно затихла. Все разбрелись по своим углам и опять взялись за домашку. Тишина и покой. Дежурные метут пол. Илья отковыривает ногтем краску с батареи. Мы, учителя, пьём в подсобке чай. Вот и всё.

Полёт портфеля

Рассказала Ольга Петровна

На перемене в класс бе-
гает Люська с воплем: «По-
можите! Сейчас мой портфель
с лестницы кидать будут!»
(Люська – это нечто... Каж-
дый день, отчитывая маль-
чишек, я говорю: «Дево-
чек нельзя обижать. Никаких.
Даже таких, как Люся»).

Выхожу из класса, подхожу
к лестнице. Действитель-
но, портфель летит, зри-
тели в восторге. Подхожу,
беру портфель, поворачива-
юсь, медленно возвращаюсь
в класс. Звонок на урок. Мои
орлы садятся за парты. Подо-
зрительно тихо.

– Ну что, – говорю я скучным
голосом, – кто считает себя
причастным к полёту портфе-
ля, поднимите, пожалуйста,
руки.

Едва высовываясь из-за края
парты, показываются две
мальчишеских руки. Игорь
и Владик.

– Что ж, – говорю я, – застё-
гивайте свои сундуки. Застё-
гивайте, застёгивайте. Что
они, расстёгнутые с лестницы
полетят?

Мальчишки нехотя застёги-
вают портфели. Тут прорезы-
ваются ещё несколько голо-
сов: «А Борька тоже кидал». Борька бродит по проходу, якобы разыскивая на полу ручку. Он делает вид, что ничего не слышит.

– Берите портфели, пойдем
бросать!

Борькин портфель беру сама,
иду чуть не бегом к лест-
нице, мальчишки тащатся
за мной, сзади теснится толпа

одноклассников. Хватаю все
три портфеля, поднимаюсь
на первую ступеньку, огляды-
ваюсь...

Борька всё ещё в классе. Он
обижен. Владик ноет, что
он не один виноват, вообще,
не он это придумал... Вижу
глаза Игоря. Он улыбается,
старается казаться спокой-
ным. А в глазах – слёзы.

Нет, не могу.

– Весело? – говорю. – Так ве-
село, что даже плакать хочет-
ся? Забирайте свои сундуки.
А у самой в голосе слёзы, ещё
чуть-чуть и зареву.

Игорь переводит дух. Если бы
не он, я бы бросила портфели.
А те двое? Всё равно им?
Рады, что сошло легко? Уви-
дим. Долго ждать не придёт-
ся. Ведь Люська – это такое!

